

Россия – Украина: новый узел противоречий

Очередное обострение отношений между Москвой и Киевом в газовой сфере имеет давнюю экономическую подоплеку*

Андрей КОНОПЛЯНИК,
доктор экономических наук, советник генерального директора
ОАО «Газпром экспорт», профессор;
Екатерина ОРЛОВА,
аспирант;
Мария ЛАРИОНОВА,
магистрант
(кафедра «Международный нефтегазовый бизнес» РГУ
нефти и газа им. И. М. Губкина)

В 2009 г. страны ЕС «проснулись» в новом энергетическом мире. Кардинальные изменения произошли по четырём основным векторам: в экономике (как по линии спроса, так и предложения), в институциональной и политической сферах. Резкое изменение энергетической ситуации в зависящем от импорта энергоресурсов Евросоюзе привело к «эффекту домино» и в рамках «Большой энергетической Европы». Она охватывает географическое пространство, покрытое стационарной инфраструктурой (трубопроводы, подземные хранилища, линии электропередачи), обеспечивающей функционирование цепочек энергоснабжения – от устья скважины за пределами ЕС до конечных потребителей внутри Евросоюза. То есть включает в себя ориентированные на ЕС страны-производители, транзитные государства и, наконец, самих членов Евросоюза, где расположены основные рынки потребления. Каким образом отреагировали на эти изменения государства «Большой энергетической Европы», включённые в цепочки поставок российского газа в ЕС?

Новый газовый мир

В 2009 г. на рынке газа ЕС сложился избыток предложения за счёт факторов, лежащих как на стороне спроса, так и предложения. На стороне спроса рыночная ниша для газа сжимается в результате продолжающегося экономического кри-

зиса, перманентного повышения энергоэффективности в странах ЕС (не столь важно, будет ли реализована программа «20-20-20» в полном объёме или нет, важно, что она отражает необратимую тенденцию по созданию в Европе более энергоэффективной экономики) и замещения газа другими энергоресурсами. При этом главными конкурентами газа в Европе, безусловно выигрывающими эту конкуренцию у контрактного газа с нефтепродуктовой индексацией¹, являются сегодня жёстко субсидируемые возобновляемые источники энергии (ВИЭ) и дешёвый импортный уголь из США (один из «эффектов домино» американской сланцевой революции).

На стороне предложения усиливается конкуренция поставщиков газа в ЕС внутри сжимающейся рыночной ниши. В первую

очередь это произошло² за счёт перенаправления экспортных потоков катарского СПГ из США в ЕС, после того как американский рынок оказался практически закрытым для импорта (ещё один из «эффектов домино» «сланцевой революции» США). Причём катарский СПГ, по сути, является так называемым бросовым газом, ибо добывается с большим количеством жидких фракций. Поэтому Катар может осуществлять (и осуществляет) мощный ценовой демпинг, для того чтобы реализовать своё сырьё по цене ниже предлагаемой конкурентами. Это необходимо, чтобы возвращать заёмные средства, привлечённые на принципах проектного финансирования под реализацию проектов по добыче и сжиганию газа. А недобор ценовой ренты по газу страна с лихвой компенсирует за счёт продажи жидких фракций и/или продуктов их переработки по высоким ценам, сохраняющимся на мировом нефтяном рынке.

Как известно, хронологические совпадения не всегда являются причинно-следственными. На мой взгляд, тот факт, что именно в сентябре 2009 г., на пике кризиса и радикальных изменений на рынке газа в ЕС, произошли также принципиальные институциональные изменения – был введён в действие Третий энергопакет ЕС, предложивший кардинально иную архитектуру рынка газа, – является как раз хронологическим совпадением. Но ввод его в действие одновременно с появлением избытка предложения газа в ЕС ускорила либерализацию данного рынка, осуществляемую с конца 1990-х годов в виде реформ, проводимых наднациональными европейскими органами по принципу «сверху-вниз».

Наконец, поверх всего этого в 2009 г. произошли серьёзные по своим последствиям для Евросоюза, Украины, России и всей «Большой энергетической Европы» политические изменения – в январе случился печальный российско-украинский транзитный газовый кризис.

22 ДНЯ ПРОТИВ 40 ЛЕТ

Украина исторически является неотъемлемым элементом системы советских/российских газовых поставок в Европу. Поэтому российско-украинские транзитные кризисы (в январе 2006-го и 2009 года) запустили для этой системы негативные по своим последствиям «эффект матрицы» и «эффект домино». По сути, 22 дня перерыва поставок российского газа в ЕС через Украину (три дня в январе 2006 г. плюс 19 дней в январе 2009 г.) перевесили (перечеркнули) предыдущие 40 с лишним лет³ стабильных и непрерывных поставок, изменили представления каждого из трёх участников цепочки (поставщик, покупатель, транзитная сторона) о её будущей надёжности и стабильности.

Безусловно, во многом эта картина оказалась искажена ангажированной прессой, безответственными и/или некомпетентными политиками и т. п. Но, как известно, чаще слышат не тех, кто предвзвешивает наиболее весомые аргументы, которые к тому же требуют понимания предмета, а тех, кто громче кричит.

Каждая сторона составила своё представление и своё видение целесообразных ответных действий, в том числе исходя в ряде случаев из «мифических представлений» о причинно-следственных связях произошедших на рынке событий и изменений. Эти новые представления независимо от того, насколько они соот-

ветствуют реальности, послужили отправной точкой для последующих необратимых «эффектов домино». Сначала политики каждой из сторон выступили с заявлениями, причём зачастую весьма громкими, чтобы соответствовать остроте проблемы, – ведь заметная часть населения ряда стран ЕС, в первую очередь новых его членов, столкнулась с реальными перебоями в поставках в результате российско-украинского транзитного кризиса. Затем эти заявления, содержащие призывы к действиям, ответным мерам, были оформлены в соответствующие политические же, то есть не являющиеся на тот момент юридически обязательными, решения. Однако впоследствии эти решения в рамках объективно обусловленной логики действия любых политических властей – от слов переходить к делу были конвертированы в соответствующие юридические документы. В частности, были внесены поправки в действующее законодательство, приняты новые правила регулирования и т. п., которые предписывали внедрение политических заявлений и решений в хозяйственную практику, то есть требовали определённых инвестиционных действий.

Эти инвестиционные решения каждой из сторон нацеливают их на достижение нового баланса интересов. Причём он видится каждой из них в индивидуальном порядке. Ведь, как известно, до настоящего времени не проводилось многосторонних российско-украинско-европейских переговоров по нахождению взаимоприемлемых развязок в новых условиях, сложившихся на рынке газа ЕС и на Украине, оказывающих влияние на систему российских контрактов на поставку и на транзит. Однако если инвестиции сделаны, то это означает, что «точка невозврата» в политике и экономике пройдена. Ибо в силу высокой капиталоемкости газовой отрасли и длинных жизненных циклов её производственной инфраструктуры капиталовложения в отрасль задают вектор её развития на несколько последующих десятилетий⁴.

Возникает естественный вопрос: «точки невозврата» – каковы они? Достигнуты ли, пройдены ли они каждой из сторон, участвующей в цепочке поставок российского газа в ЕС через Украину?

Можно сказать, что ЕС, Украина и Россия вплоть до мая 2014 г. осуществляли поиск нового равновесия («пост-2009») между целями, сформулированными по-разному, избранными ответными действиями и линиями поведения. Брюссель преследует цель сократить доминирующую роль России как главного поставщика, Киев – устранить монополию РФ как единственного газового поставщика, Москва – ликвидировать монополию Украины как главного транзитного маршрута в Европу.

Как видим, цели разнятся. Поэтому вплоть до настоящего времени продолжают попытки установить новое многостороннее равновесие в рамках разнонаправленных действий сторон, диктуемых их индивидуальными предпочтениями. Этот путь к компромиссу далёк от оптимального, но отражает существующие реалии, индивидуальные представления и предпочтения сторон.

В результате сегодня мы имеем сужающуюся (или уже заметно суженную) зону поиска нового многостороннего равновесия. Кто-то может считать, что векторы экономических действий, а с ними и «коридоры» приемлемых решений разошлись настолько, что более не пересекаются, поэтому договориться России, ЕС и Украине в экономическом поле уже невозможно. На мой взгляд, эта зона равновесных решений, безусловно, существует из-за сохраняющейся взаимозависимости сторон. Но даже для

* Подготовлена на базе презентаций А. Конопляника: "Russia, Ukraine, the EU & the new pipelines in the new post-2009 gas world: a way towards new equilibrium". – Presentation at the Plenary Session of the Energy Transition Conference, University of Eastern Finland, Joensuu, Finland, 03 March 2014; "Russia and the EU in search of new equilibrium within the new post-2009 gas world". – Presentation at the Conference "Europe at the crossroads – Future perspectives for sources of energy supply in Central and Western Europe", Diplomatic Academy of Vienna, Wien, 12 March 2014; "Russia and the EU: in search of new equilibrium in the new post-2009 European gas world?" – Presentation at the Budapest Energy Club meeting, Budapest, Hungary, 27 March 2014; «Россия-Украина-ЕС: современный узел противоречий в газовой сфере и его экономическая подоплека» / Лекция в рамках 7-го модуля программы «МВА Газпром: управление нефтегазовой корпорацией в глобальной среде». Высшая экономическая школа СПбГУ. Санкт-Петербург, 23 мая 2014 г. (см. www.konoplyanik.ru).

¹ Основным механизмом ценообразования на газ, поставляемый в Европу по трубопроводам крупнейшими его производителями – Россией, Норвегией, Алжиром.

² Это произвело взрывной эффект на формирование и расширение масштабов спотового рынка газа и снижение спотовых цен в ЕС: на пике кризиса, в 2009–2010 гг., разрыв между спотовыми и контрактными ценами на газ в ЕС достигал двукратного размера. А после трагических событий на АЭС «Фукусима» вектор поставок катарского СПГ сменился с Европы на Японию и разрыв между спотовыми и контрактными ценами в Европе сразу сократился.

³ Поставки советского газа в Западную Европу осуществляются с 1968 г.

⁴ Пример – нынешняя конфигурация российской экспортной инфраструктуры, сформированной в начале 1960-х годов исходя из политических и экономических реалий того времени.

вхождения в эту зону (а уж тем более для выработки и согласования взаимоприемлемого решения – нового многостороннего компромисса) потребуется время, главным образом – для нахождения взаимопонимания (единого деполитизированного взгляда на ключевые проблемы, как объединяющие, так и разъединяющие пока стороны). И конечно, требуется наличие доброй воли каждой из сторон.

Оценим новые риски, новые вызовы, новые ответные меры и «точки невозврата» для каждой из сторон: ЕС, Украины и России.

НОВЫЕ РЕАЛИИ И ОТВЕТ ЕС: ДИВЕРСИФИКАЦИЯ

Основное представление в политических кругах ЕС (то есть среди тех, кто принимает долгосрочные по своим последствиям решения) о причинах текущих газовых проблем сводится к тому, что будто бы поставки из России через Украину в ЕС более не являются надёжными. С одной стороны, это – чисто эмоциональная оценка: 22 недавних дня (свежие впечатления) перевесили 40 предыдущих лет. С другой стороны, она сопровождается подменой понятий: для ЕС ключевыми словами во фразе «поставки из России через Украину в ЕС», в которых заключен «корень зла» (истоки проблемы), являются слова «из России», а не «через Украину». То есть ключевой фактор, генерирующий риски для надёжного энергоснабжения Европы с Восточного направления, по мнению руководящих кругов ЕС, это не неурегулированность транзитных поставок через Украину, а сам факт российского происхождения газа.

Этим и определяется направленность ответных мер: диверсификация, понимаемая как формирование новой организации (архитектуры) внутреннего рынка газа ЕС с множественными поставками/поставщиками и высокой их гибкостью и со всё более явно декларируемой целью – уменьшить зависимость от России.

Множественность поставок обеспечивается за счёт поиска альтернативы российскому газу на стороне как предложения, так и спроса. На стороне предложения: в ответ на события января 2009 г. ЕС, помимо прочего, принял Регулирование 994/2010 о мерах по обеспечению надёжности газоснабжения. Оно обязывает страны Евросоюза внедрять меры по диверсификации: предписывает иметь не менее трёх источников поставок газа для каждой страны ЕС, устанавливает так называемое правило «N-15»⁵, требует иметь на пограничных переходах реверсные мощности трубопроводов, обеспечивающие поставки газа в обоих направлениях, и т. п. Было интенсифицировано создание приёмных терминалов СПГ, активизировались меры по освоению сланцевого газа, наращиванию мощностей ПХГ.

Поиск альтернативы российскому газу на стороне спроса идёт под лозунгом борьбы за сохранение чистоты окружающей среды и вытеснения ископаемого топлива из энергобаланса. Правда, первой жертвой декарбонизации оказывается более чистый, но более дорогой (импортный, преимущественно российский) газ, а не грязный, но более дешёвый (импортный, преимущественно американский) уголь. Это, плюс опережающее и принудительное применение ВИЭ, и дальнейшее повышение энергоэффективности ведёт к сжатию конкурентной ниши газа в энергобалансе, вследствие чего конкуренция внутри данной ниши наоборот усиливается. Очевидно, что «пострадавшим» окажется наименее конкурентоспособный поставщик «голубого топлива».

Таковым, по молчаливому представлению коллег из ЕС, должна стать Россия, поскольку российский газ – наиболее «удалённый» (высокая стоимость транспортировки), добывается в сложных природных условиях (высокие издержки) и наиболее дорогой (из-за нефтепродуктовой индексации цены в рамках российской модели долгосрочных контрактов), то есть наименее предпочтительный для покупателя. А возможность снижения цены для удержания конкурентной ниши у российского экспортёра, по мнению коллег из ЕС, из-за высоких издержек ограничена.

А она действительно ограничена по сравнению с катарским или североморским газом, поскольку в Катаре и Северном море газ добывается из газонефтяных или нефтегазовых месторождений и является побочным («бросовым») продуктом нефтедобычи (основную прибыль нефтегазовым компаниям здесь обеспечивает реализация жидких фракций), а российский сеноманский газ – это сухой монопродукт, и возможность ценового манёвра у российского «Газпрома» сужена по сравнению с конкурентами, добывающими жирный или попутный газ. Поэтому «Газпром» (российский газ) и должен стать, по представлению коллег из ЕС, первым «кандидатом на вылет»... Чего, однако, пока не происходит из-за увеличения потенциального предложения, но сокращения реального, альтернативного российскому, – из-за снижения добычи в Северном море и в Нидерландах, проблем с североафриканскими поставками, переориентацией катарского газа с Европы на АТР и т. п. Тем не менее целеполагание всех действий ЕС очевидно – уменьшить доминирующую роль России как главного поставщика.

ТРЕТИЙ ЭНЕРГОПАКЕТ И ЦМРГ

Высокая гибкость поставок внутри ЕС должна быть обеспечена путём устранения барьеров для перетоков газа с целью облегчения торговли им между странами Евросоюза. Это достигается внедрением правил управления транспортными перегрузками, таких как «используй или теряй», «качай и/или плати», строительством трубопроводов-интерконнекторов с реверсными мощностями, интенсификацией спотовой и биржевой торговли. Компании-покупатели ужесточают требования к компаниям-экспортёрам, добываясь смягчения положений долгосрочных экспортных газовых контрактов (ДСЭГК): требуют понизить порог «бери и/или плати», предлагают привязать цену газа в рамках ДСЭГК к цене на хабах и т. п. На это направлена Целевая модель рынка газа (ЦМРГ), разработанная во исполнение Третьего энергопакета ЕС. Она предусматривает формирование единого внутреннего рынка газа Евросоюза по принципу бассейна (система рыночных зон «вход-выход» с виртуальным центром торговли, то есть хабом в каждой зоне).

Третий энергопакет ЕС⁶ вступил в силу 3 сентября 2009 г. К 3 марта 2011 г. страны-члены Евросоюза должны были привести в соответствие с ним положения национальных законодательств, что удалось не всем из них и не в полной мере.

Данный энергопакет формирует набор юридических инструментов, должных обеспечить множественные поставки и более высокую гибкость во взаимоотношениях между покупателями и продавцами (подчеркнём: внутри ЕС, но вовсе не обязательно, что с внешними поставщиками) на основе новых принципов организации единого внутреннего рынка в рамках территории ЕС (28 стран) и Договора об Энергетическом сообществе (плюс

⁵ Формула «N-1» описывает требуемый уровень достаточности технических мощностей газотранспортной инфраструктуры для обеспечения совокупного спроса на газ в стране в случае выбытия крупнейшего элемента газовой инфраструктуры в день максимального уровня спроса на газ, который может иметь место с вероятностью раз в 20 лет.

⁶ Директива и Регулирование по рынку газа, то же – по рынку электроэнергии и плюс Регулирование о создании Агентства по сотрудничеству европейских энергорегуляторов. Итого, пять базовых документов.

ещё восемь, итого 36 стран). Эти новые принципы предусматривают переход от последовательной цепи из трёх ДСЭГК⁷ к системе рыночных зон «вход-выход» с виртуальным хабом в каждой зоне. Данная модель активно внедряется на европейском рынке административными методами в результате применения Третьего энергопакета. Но и в рамках будущего рынка газа ЕС, построенного в соответствии с ЦМРГ, будут сосуществовать два сегмента поставок физического газа – спотовая торговля и срочные (в том числе долгосрочные) поставки. Граница между ними станет подвижной, причём европейский законодатель и энергорегуляторы активно поддерживают методами так называемой позитивной дискриминации сегмент краткосрочной и спотовой торговли и создают регуляторные препятствия для долгосрочных контрактов.

Новая архитектура единого рынка газа ЕС сегодня находится в стадии формирования. Для его завершения, а затем и практической отработки (наладки) потребуется несколько лет. Заявления еврокомиссара Г. Эттингера о том, что к концу 2014 г. будет закончено построение единого внутреннего рынка газа ЕС, являются, мягко скажем, слегка оптимистичными. В настоящее время проходит корректировка ЦМРГ, из 12 Сетевых кодексов подготовлено всего 3–4, столько же находится на разных этапах подготовки. Разработка некоторых из них ещё не начиналась, даже не все 12 Рамочных руководящих указаний, являющихся техническими заданиями к созданию Сетевых кодексов, подготовлены. Этот процесс объективно растянут во времени. Тем не менее «точка невозврата» на пути от старой модели рынка газа в ЕС к новой в целом пройдена!!!

Однако экономические реалии в разных частях ЕС существенно различаются, особенно между «старыми» (страны Северо-Западной и Южной Европы) и «новыми» (государства Центральной и Восточной Европы) членами ЕС. В том числе с точки зрения их объективной подготовленности к эффективному применению юридически обязательных решений ЕС по диверсификации энергоснабжения. Диверсификация является основой для конкуренции. Но невозможно обеспечить синхронное развитие/формирование рыночных зон в условиях разной готовности к диверсификации, объясняющейся разной насыщенностью инфраструктурой территорий в различных частях ЕС.

НАСЫЩЕННОСТЬ ИНФРАСТРУКТУРОЙ: ЦВЕ И СЗЕ

Регулирующие органы ЕС ставят задачу привлечения новых рыночных игроков на газовый рынок Евросоюза, исходя из предположения (состоятельность которого мы подвергаем сомнению), что чем больше таких игроков, особенно краткосрочных трейдеров, тем выше ликвидность рынка и тем ниже цены для потребителя. Существуют два подхода к повышению конкуренции путём создания условий для входа на рынок новых участников – наличие и отсутствие дефицита мощностей. На каком пути искать решение проблемы – привлечь новых участников рынка в рамках существующей инфраструктуры (дефицит мощностей сохраняется) или в рамках как существующей, так и новой инфраструктуры (цель – недопущение появления дефицита мощностей)?

⁷ Данная система монополично существовала в Европе в период 1968–2009 гг., представляя фактически односегментную – контрактную, построенную на ДСЭГК Гринингенского типа, – модель организации европейского рынка газа.

Европейские государственные институты, очевидно, идут по первому пути, пытаются методами «позитивной дискриминации» потеснить в рамках существующей (дефицитной, недостаточной) инфраструктуры сегодняшних (исторических) поставщиков, на деньги и силами которых была создана эта инфраструктура. Сначала произошло разделение ВИК на собственников и пользователей инфраструктуры, а затем стали создаваться препятствия для грузоотправителей по заключению и исполнению долгосрочных транспортных соглашений. При этом создаются преференции краткосрочным пользователям инфраструктуры в случае конкуренции между двумя категориями грузоотправителей в усло-

Рис. 1. Плотность газотранспортной инфраструктуры в ЕС (только магистральные трубопроводы, км/100 км²)⁸

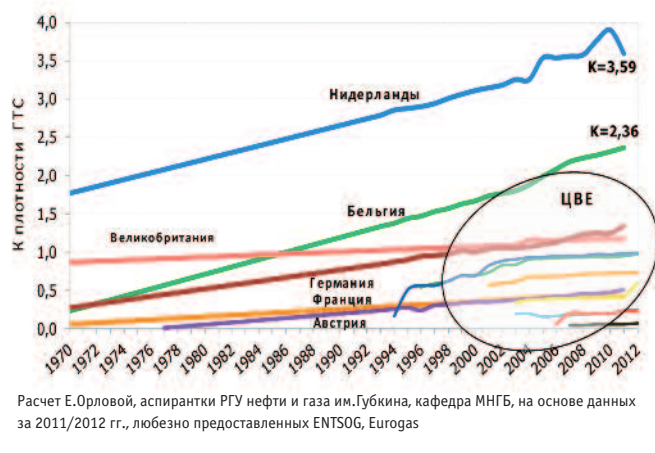
виях ограниченности инфраструктуры ГТС. Особую актуальность эта проблема приобрела в странах ЦВЕ – новых членах ЕС.

Вся газотранспортная инфраструктура в этих странах была создана в советское время по гослановской логике («одна труба», идущая с Востока на Запад). Диверсификация поставок, а тем более реверс мощностей не были предусмотрены по определению. Эти государства (бывшие члены СЭВ) изначально были зависимы от советских поставок, поэтому сегодня (из-за высокой капиталоемкости и инерционности формирования ГТС) практически целиком зависят от поставок «Газпрома». Но, вступая в ЕС, они стали субъектами требований европейского законодательства по конкуренции, диверсификации и т. п.

Можно было бы начать инвестировать в развитие инфраструктуры стран ЦВЕ (на что, правда, требуются время и деньги), устраняя её дефицит таким образом, чтобы новые/дополнительные мощности ГТС создавались под рыночный спрос на них. Это бы сформировало возможности для прихода на рынки стран ЦВЕ новых поставщиков, альтернативных «Газпрому», на недискриминационной основе. Однако органы регулирования ЕС в качестве барьеров для входа новых участников на рынок Евросоюза видят не его недостаточную насыщенность мощностями ГТС, а якобы антиконкурентное поведение «исторических» долгосрочных поставщиков (читай: «Газпрома»), то есть их фактическое присутствие с долгосрочными контрактами (на поставку и транспортировку во исполнение этих контрактов на поставку) на рынке ЕС после расширения Евросоюза (до расширения ЕС контрак-

⁸ Предварительные результаты – только в целях сопоставления.

Рис. 2. Коэффициент плотности ГТС стран СЗЕ и ЦВЕ, км/км²

Расчёты показали (см. рис. 2), что все государства ЦВЕ находятся в нижней зоне спектра значений плотности инфраструктуры для членов ЕС. Причём особенно заметен разрыв со странами СЗЕ, рынки которых сегодня наиболее ликвидны, Германией, Великобританией, Бельгией, Нидерландами.

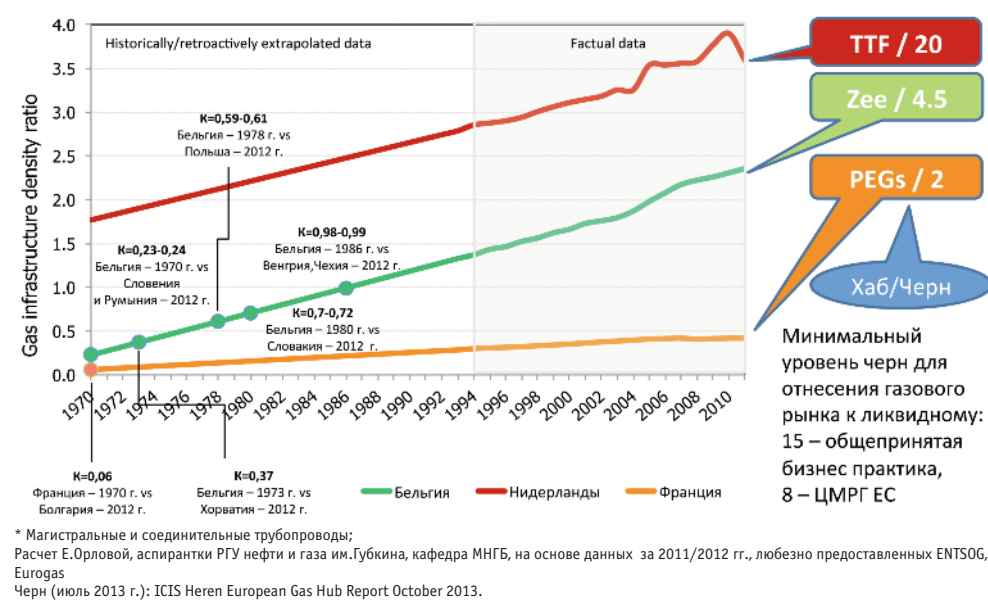
Этот разрыв измеряется десятилетиями (далее цифры для стран ЦВЕ приведены по состоянию на 2012 г.). Так, уровень развития инфраструктуры в Болгарии соответствует её уровню во Франции в 1970 г., в Словении и Румынии – Бельгии в 1970 г., в Хорватии – Бельгии в 1973 г., в Польше – Бельгии в 1978 г., в Словакии – Бельгии в 1980 г., в Венгрии и Чехии – Бельгии в 1986 г. Но ни одна из стран ЦВЕ не дотянулась до уровня Нидерландов 1970 г. и не вышла на порог минимальной ликвидности газового рынка (см. рис. 3). Наиболее ликвидной в СЗЕ является торговая площадка (хаб) Нидерландов (ТТФ) – в октябре 2013 г. параметр «черн»⁹ здесь составил примерно 20, в Бельгии (Zeebrugge) – 4,5, а средний по французским PEGs – лишь 2.

ты «Газпрома» заканчивались на внешней границе Евросоюза). Поэтому Брюссель начал ужесточать требования в отношении присутствия исторических грузоотправителей («Газпрома») на рынке ЕС методами их «позитивной дискриминации» в рамках сохраняющегося дефицита инфраструктуры. В частности, Директорат по конкуренции Еврокомиссии выдвинул претензии к «Газпрому» (могущие перерасти в иски) по предположительно неконкурентному поведению, дискриминирующему потребителей/покупателей российского газа в странах ЦВЕ.

Предварительные расчёты показали, что плотность магистральной газотранспортной инфраструктуры в странах ЦВЕ примерно в полтора раза ниже, чем во Франции, вдвое – чем в Германии и Италии, втрое – чем в Бельгии и Люксембурге и более нежеле в пять раз – чем в Нидерландах (см. рис. 1). Это, как минимум, затрудняет создание в странах ЦВЕ условий для конкуренции с целью уменьшения зависимости от российского газа.

Возникает естественный вопрос: сколько будет стоить и сколько потребует времени, чтобы сократить этот разрыв в плотности инфраструктуры между ЦВЕ и СЗЕ, дабы сделать эффективную диверсификацию в ЦВЕ возможной (без методов «позитивной дискриминации» основных поставщиков)? Мы решили попытаться на него ответить, проведя, во-первых, расчёты временных разрывов между сегодняшним уровнем плотности инфраструктуры в странах ЦВЕ и тем временем в прошлом (как оказалось – в далёком прошлом), когда на этом уровне плотности находились страны СЗЕ. Или, иными словами, ответить на вопрос: сколько времени потребовалось странам СЗЕ, чтобы достичь своего сегодняшнего уровня, стартуя с позиций, соответствующих сегодняшнему положению дел в странах ЦВЕ.

Рис. 3. Плотность газовой инфраструктуры* в СЗЕ (Бельгия, Нидерланды, Франция) и ЦВЕ, км/100 км²

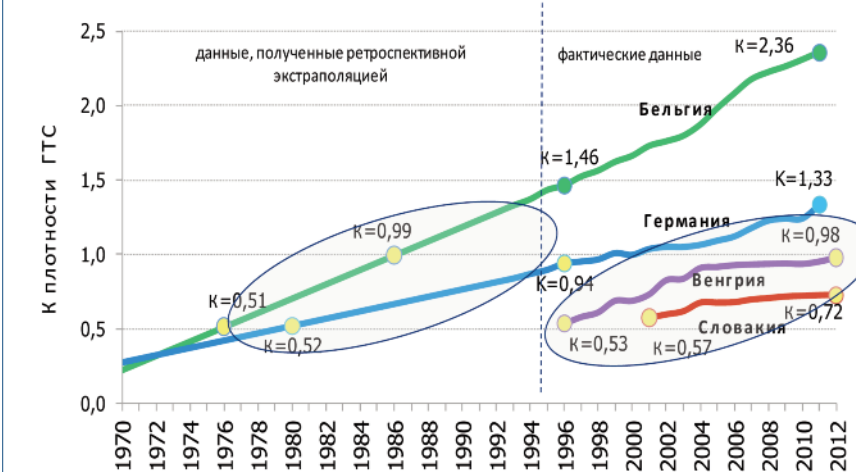
* Магистральные и соединительные трубопроводы; Расчет Е. Орловой, аспирантки РГУ нефти и газа им. Губкина, кафедра МНГБ, на основе данных за 2011/2012 гг., любезно предоставленных ENTSOG, Eurogas. Черн (июль 2013 г.): ICIS Heren European Gas Hub Report October 2013.

Для справки: второй наиболее ликвидный рынок газа в ЕС, если судить по уровню «черн», равному 15, это рынок Великобритании (NBP). Остальные хабы континентальной Европы имеют уровень «черн» меньше и/или много меньше пяти. При этом его минимальное значение для отнесения газового рынка (его торговой площадки/торговых площадок) к ликвидному было «волевым решением» установлено в ЦМРГ ЕС равным восьми (в то время как в соответствии с общепринятой бизнес-практикой он равен 15). Но ещё в 2007 г. уровень «черн» для основной торговой площадки газом США – Генри-Хаб – составлял порядка 400, в то время как на основных нефтяных биржах в Нью-Йорке (NYMEX) и Лондоне (ICE) – порядка 2000. Что называется: почувствуйте разницу...

На рис. 4 представлен иной срез сравнения плотности инфраструктуры Бельгия и Германия (СЗЕ) против Венгрии

⁹ Им измеряется уровень ликвидности той или иной торговой площадки, он равен отношению объёма торгов к объёму реально отгруженного товара.

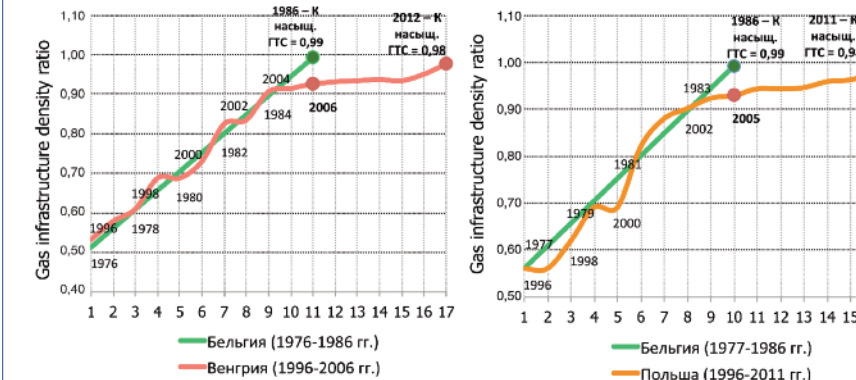
Рис. 4. Сравнение коэффициента плотности ГТС: Бельгия, Германия (СЗЕ) и Венгрия, Словакия (ЦВЕ), км/км²

Овалами отмечены те периоды времени (в Бельгии – с 1976 по 1986 гг., в Германии – 1980–1988 гг.), когда коэффициент плотности ГТС в страна СЗЕ соответствовал текущему уровню коэффициента в ЦВЕ (Венгрии, Словакии).

Расчет Е. Орловой, аспирантки РГУ нефти и газа им. Губкина, кафедра МНГБ, на основе данных за 2011/2012 гг., любезно предоставленных ENTSOG, Eurogas

Рис. 5. Сравнительная динамика плотности газовой инфраструктуры в СЗЕ (Бельгия) и ЦВЕ (Венгрия, Польша), км/100 км²

Стагнация коэффициента плотности инфраструктуры в ЦВЕ после вступления в ЕС*? Так ли это? И если «да», то почему?

* Предварительные результаты; Расчет Е. Орловой, аспирантки РГУ нефти и газа им. Губкина, кафедра МНГБ, на основе данных за 2011/2012 гг., любезно предоставленных ENTSOG, Eurogas

и Словакии (стран из верхней части списка ЦВЕ). Видно, что динамика роста плотности инфраструктуры в Венгрии и Словакии примерно соответствует темпам её увеличения в Германии (наклон кривых примерно одинаков). Однако этот рост происходит на разных уровнях, что означает «догоняя – отстаём». Более взрослым участником профессионального сообщества должен быть знаком этот тезис, который относился ко времени СССР, когда мы, догоняя США и другие западные страны по темпам роста (например, промышленного производства), увеличивали своё отставание по его уровням – именно потому, что опережение по темпам было результатом более низкой базы, точки отсчёта (эконометрика, однако...).

внутреннего рынка ЕС с высокой гибкостью поставок в рамках всего Евросоюза вряд ли сможет быть реализована. Инфраструктура в странах ЦВЕ испытывала дефицит инвестиций на протяжении многих лет – как во время их подготовки к вступлению в ЕС (когда многомиллионные программы, в том числе финансируемые из фондов ЕС, были направлены на формирование надстроек, но не базиса), так и особенно после их вступления в Евросоюз. То есть векторы уменьшения зависимости от российского газа в странах СЗЕ и ЦВЕ будут сильно различаться по своему наклону и по времени достижения такого уменьшения. Хотя, повторю, на наш взгляд, «точка невозврата» по уменьшению зависимости от российского газа в ЕС в целом пройдена.

(Окончание в следующем номере) ■